

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВЕКЛЕНКО С.В.,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы Российской
Федерации, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
veklenkosv@mail.ru

СЕМЧЕНКОВ И.П.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
semchenkovmail@yandex.ru

СОРОКИН И.С.,

кандидат юридических наук, доцент, начальник
кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-
исполнительного права Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
issorokin@mail.ru

УДК 343.01+343.7

ХИЩЕНИЕ: ПРЕСТУПНОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ, ВИД УМЫСЛА И МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ

Хищение, ущерб, выгода, корысть, прямой умысел, косвенный умысел, предвидение неизбежности, момент окончания хищения, завладение имуществом, нравственность, этика.

В статье приводятся результаты научного анализа общепринятых тезисов о том, что хищение совершается с прямым умыслом и признается оконченным преступлением в момент завладения чужим имуществом. Обосновывается вывод о том, что на самом деле хищение совершается с косвенным умыслом и оканчивается в момент совершившегося факта причинения имущественного ущерба, охватываемого умыслом виновного. Показано, что основными причинами ошибочного решения данных вопросов являются: неверное понимание антисоциальной сущности хищения, его последствий; противоречия между правильным пониманием данных вопросов и ошибочными тезисами доктрины уголовного права; неверное описание хищения в уголовном законе. На основании полученных авторами результатов предлагается внести изменения в доктрину уголовного права и Уголовный кодекс Российской Федерации.

В настоящей работе рассматриваются антисоциальная сущность основных видов хищения¹, их последствий, а также вид умысла, с которым совершаются данные преступления, и момент их окончания. Актуальность исследования определяется тем, что в научной литературе до сих пор отсутствуют ответы на некоторые весьма важные вопросы. В чем именно заключается сущность хищения и его преступных последствий: в причинении имущественного ущерба или в получении виновным материальной выгоды? А, может быть, и в том, и другом одновременно, с признанием фактической двойственности последствий хищения как деяния, которое и причиняет ущерб, и предоставляет выгоду? Но возможна ли такая двойственность преступного результата?

Отечественные и зарубежные ученые с этой точки зрения сущность хищения и его последствий не рассматривают, что представляется довольно странным, поскольку от ответов именно на эти вопросы зависит правильное понимание других аспектов данного преступления. Мы от постановки этих вопросов не уклоняемся, но проводим их исследование не изолированно, а в контексте анализа последствий хищения, вида умысла, с которым оно совершается, а также момента квалификации этого преступления как оконченного.

¹ К их числу мы относим хищения из гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» (прим. авт.).

Еще одной особенностью настоящей работы является не обобщенное, а последовательное рассмотрение альтернативных разновидностей хищения: изъятия чужого имущества и обращения его в пользу виновного или других лиц. Для систематизации и облегчения восприятия достаточно большого количества смысловых единиц, используемых в данной работе, материал статьи разделен на несколько тематических блоков.

Преступное последствие хищения в виде изъятия чужого имущества и разновидность умысла, с которым оно совершается

В доктрине уголовного права господствующей является точка зрения, согласно которой любое хищение всегда совершается только с прямым умыслом¹. На самом же деле, за исключением ситуации наличия дополнительной цели причинения ущерба, все хищения в виде изъятия чужого имущества совершаются не с прямым, а с косвенным умыслом. Об этом свидетельствуют результаты установления и сущности вреда, причиняемого этим видом хищения, и волевого отношения лица к его причинению.

Исследование сущности вреда, причиняемого хищением-изъятием, следует проводить посредством применения ценностного подхода, который надлежаще представлен в этике и уголовном праве. Этическим синонимом понятия «вред» является понятие «зло» как одно из основных понятий морального сознания и этическая категория, которая обозначает негативные стороны действительности и охватывает собой то, что препятствует удовлетворению интересов человека и человечества². «Оценка относится к области сознания, которое наряду со знанием содержит также отношение к тому, что в действительности значимо для субъекта оценки в силу его потребностей и интересов» [1, с. 5]. «В понятии вреда всегда отражается не просто физическая характеристика последствий преступления, а их социальная оценка, осуществляемая людьми с точки зрения их интересов» [2, с. 53]. Преступным вредом называют «то, что вызывает негативную оценку со стороны человека, а именно: смерть людей или ухудшение качества их жизни» [3, с. 85].

Аналогичным образом решается вопрос о критериях этической оценки и с точки зрения философии мотивации. «Человеком движут стремление жить, стремление иметь определенное качество жизни и стремление получить определенные результаты жизни. Эти стремления порождают множество самых различных потребностей, для удовлетворения которых необходимы соответствующие возможности. Вот почему для людей наиболее значимы они сами, а также возможности реализации их стремлений и удовлетворения их потребностей. Все остальное может рассматриваться в качестве ценности не само по себе, а только потому, что обеспечивает наличие возможностей удовлетворения потребностей, реализации стремлений человека... Иных критерии признания чего-либо социальной ценностью не существует» [4, с. 293-294].

¹ См., например: Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. С. 281; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. С. 227.

² См.: Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. М., 1984. С. 31.

С учетом этого для установления сути преступных последствий хищения-изъятия достаточно задаться вопросом о том, какое отрицательно оцениваемое последствие оно причиняет, то есть в лишении какой социальной возможности заключается. Ответ на данный вопрос демонстрирует, что преступное последствие такого хищения заключается в причинении имущественного ущерба, то есть в уменьшении наличных фондов имущества. Более глубокое понимание социальной сущности имущественного ущерба и его социальной значимости позволяет признать преступным последствием данного хищения лишение владельца имущества возможности пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению. В качестве негативного, то есть отрицательно оцениваемого, изменения социальной действительности лишение этой возможности рассматривается потому, что делает невозможным удовлетворение соответствующих потребностей и влечет ухудшение качества жизни владельца имущества.

Рассматривать получение виновным возможности пользования и распоряжения имуществом в качестве преступного последствия никаких оснований не имеется. В получении данной возможности ничего безнравственного [5, с. 278-279], а тем более криминального, нет. Для того чтобы получение данной возможности было оценено с этической точки зрения как негативное, необходимо, чтобы оно препятствовало удовлетворению потребностей, а оно, напротив, обеспечивает их удовлетворение. Каждый день миллиарды людей занимаются поиском и получением этой возможности, и признавать их по этой причине преступниками ни у кого даже мысли не возникает. Уголовный закон наказывает похитителя не за получение материальной выгоды, а за причинение имущественного ущерба, то есть за то, каким образом он эту выгоду получает. В связи обогащения и его незаконности преступным является только его незаконность. Именно поэтому под хищением-изъятием понимается деяние, которое причиняет имущественный ущерб, а не деяние, которое причиняет материальную выгоду. Причинить можно только вред (зло), но не благо. Говорить о причинении блага абсурдно. Даже язык, сформированный на правильных этических приоритетах, и тот противится такой постановке вопроса.

Получение похитителем материальной выгоды может быть оценено негативно со стороны заинтересованных лиц, которые испытывают зависть к тем, кто обеспечивает свое материальное благосостояние, не утруждая себя каждодневными визитами на работу, либо, хотя и работает, но благодаря хищению может позволить себе более высокий уровень материального благополучия, чем тот уровень, который имеется у законопослушных работников и предпринимателей. Однако такая оценочная позиция с настоящим ценностным подходом ничего общего не имеет. В основе ценностного этического подхода лежат только позитивные с нравственной точки зрения интересы, потребности, побуждения человека: «Все вещи и явления внешнего мира мо-

гут оцениваться в качестве положительных, если обеспечивают возможности реализации только положительных с нравственной точки зрения стремлений и удовлетворения определяемых ими потребностей. Иных критериев признания чего-либо социальной ценностью не существует» [4, с. 293-294]. Зависть является вторым по значимости после гордыни смертным грехом, ничего позитивного в ней нет, ввиду чего использовать ее в качестве критерия нравственной оценки недопустимо.

Еще один вариант негативной оценки завладения похищенным имуществом является уголовное право советского периода, которое клеймило по зором корысть как проявление буржуазной капиталистической алчности¹. К настоящему времени данный идеологически гипертрофированный подход остался в прошлом, и корысть рассматривается как материальный интерес, направленность на обеспечение достойного уровня материального благосостояния, способного обеспечить реализацию жизненных стремлений человека и удовлетворение возникающих при этом потребностей. Поэтому в корысти как таковой, реализуемой в разумных, определяемых требованиями жизни пределах, ничего безнравственного нет, за исключением, конечно, тех случаев, когда человек становится рабом корысти и начинает служить «мамоне». Однако деятельное осуждение такой чрезмерной корысти есть компетенция Творца. Мы же вправе осуждать ее только в целях воспитания и формирования высоконравственной личности. В уголовном законе нет таких преступлений, как гордыня, чрезмерная корысть и т.д., сфера его действия ограничена защитой лишь от внешнего и вредного для других людей проявления греха. А при хищении, совершаемом из чрезмерной корысти, такой вред все равно заключается только в причинении имущественного ущерба и проистекающем из факта его причинения ухудшении качества жизни потерпевшего.

После установления сущности вреда, причиняющего хищением-изъятием, представляется возможным и установление волевого отношения лица к этому последствию. В отношении имущественного ущерба у лица, совершающего такое хищение, никакого желания не имеется. В данном преступлении лицо цели причинения вреда перед собой не ставит и стремится не к его причинению, а к получению материальной выгоды, - именно для этого оно совершает данное преступление. Имущественный ущерб как таковой сам по себе ему не нужен и является побочным, косвенным результатом его действия, что свидетельствует о наличии у него такого отношения к этому последствию, которое характерно для косвенного умысла, а не прямого.

Хищение-изъятие может быть признано совершенным с прямым умыслом только при наличии специальной дополнительной цели, а именно цели причинения ущерба, которая превращает ущерб в необходимый, желаемый для виновного результат.

Например, это цель отомстить путем совершения хищения. Лишь при таком условии можно говорить о том, что лицо желало причинения вреда. Что же касается корыстной цели данного преступления, то она сама по себе этой дополнительной цели отмщения не порождает. Для цели отмщения необходим отдельный мотив, который в случае его наличия все равно будет иметь независимые от корысти источники своего возникновения.

Каким бы образом мы ни рассматривали вопросы о том, что является вредным результатом хищения-изъятия и с какой разновидностью умысла оно совершается, ответы на них всегда будут одни и те же: преступным последствием хищения в виде изъятия чужого имущества является имущественный ущерб, к причинению которого при наличии одной только корыстной цели виновный всегда относится с косвенным умыслом.

Корыстная цель хищения как мнимый показатель того, что оно совершается с прямым умыслом

Отдельного рассмотрения заслуживает позиция, согласно которой отнесение хищения к числу преступлений, совершаемых с прямым умыслом, определяется наличием корыстной цели его осуществления. «Как считается в теории уголовного права, - отмечает в связи с этим А.И. Бойцов, - указание в том или ином составе на цель всегда является показателем прямого умысла» [6, с. 282]. Далее всё выглядит просто и логично: прямой умысел характеризуется желанием наступления преступных последствий, то есть целенаправленностью на их причинение; в понятии хищения целенаправленность, то есть цель, присутствует (корыстная цель); следовательно, хищение совершается с прямым умыслом.

С формально-логической точки зрения данная схема рассуждений нареканий не вызывает. Однако из этого вовсе не следует, что полученный с ее помощью вывод является верным. Для того чтобы он являлся верным, необходимо, чтобы такими же верными были и все его исходные посылы, а один из них (второй) таковым не является.

Первый посыл состоит в том, что целью преступления, совершаемого с прямым умыслом, должны быть преступные последствия, и это действительно так. Но что понимается под преступными последствиями? Преступными последствиями можно признать не любые, а только те результаты, которые являются вредными (негативными) с этической точки зрения. Из этого следует, что о наличии прямого умысла свидетельствует не любая цель преступления, а только та, которая представляет собой образ именно негативных, вредных последствий содеянного. Такими вредными последствиями хищения являются только имущественный ущерб и проистекающее из факта его причинения лишение возможности владельца пользоваться, распоряжаться имуществом. Что же касается так на-

¹ См., напр.: Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 62-65. В осуждении корысти советской идеологией были и объективные причины. Наша страна, прошедшая сквозь горнило революции и двух мировых войн, не имела возможностей обеспечить своему народу достойный уровень жизни, поэтому осуждение корысти как стремления к определенному уровню благосостояния пришлось очень кстати, удачно отвлекая внимание трудящихся от экономических проблем (прим. авт.).

зываемой корыстной цели хищения, то она этого вредного последствия собой не охватывает. Данная цель есть мысленный образ выгоды, а она, то есть выгода, содержать в себе свою противоположность в виде имущественного ущерба не может.

Это последнее обстоятельство свидетельствует о том, что корыстная цель в законодательном понятии хищения приведена неверно, и вместо нее необходимо вести речь о корыстном побуждении, то есть о корыстном мотиве, наличие которого не превращает имущественный ущерб в необходимый, желаемый для похитителя результат хищения и не опровергает вывода о том, что к причинению ущерба он относится безразлично или допускает его причинение.

Приведенные аргументы демонстрируют тот факт, что указание в законе на корыстную цель хищения не может рассматриваться в качестве показателя того, что преступление совершается с прямым умыслом.

Момент окончания хищения, совершаемого путем изъятия чужого имущества

В учении о стадиях преступления разработано согласованное с иными институтами уголовного права, научно обоснованное и апробированное многолетней практикой применения уголовного законодательства, не вызывающее ни у кого никаких сомнений общее правило квалификации, согласно которому преступление, причиняющее вред, признается юридически оконченным в момент наступления указанных в законе последствий, охватываемых умыслом похитителя.

В уголовном законе при описании хищения-изъятия преступные последствия указаны - это имущественный ущерб. Следовательно, если руководствоваться данным правилом, то эта разновидность хищения должна признаваться оконченным преступлением сразу после причинения имущественного ущерба, который охватывался умыслом лица.

Подтверждением правильности и обоснованности данного решения может служить его рассмотрение с точки зрения учений об объекте преступления и преступных последствиях. Объектом преступления признается то, на что посягает преступление, то есть то, чему оно причиняет вред либо создает угрозу причинения вреда. Преступное последствие всегда есть факт негативного изменения или уничтожения объекта преступления. Любое преступление, выражющееся в процессе причинения вреда объекту, является существующим только до тех пор, пока оно не перестанет производить негативные изменения в объекте. В случае исчезновения объекта процесс негативного его изменения, то есть собственно преступление, прекращается.

Хищение посягает на такой объект (благо), как возможность владельца пользоваться и распоря-

жаться имуществом¹. Поэтому процесс преступного воздействия, характерный для этого преступления, выражается в негативном воздействии исключительно на эту возможность. Данное воздействие может осуществляться только до тех пор, пока существует эта возможность. В момент лишения владельца этой возможности и объект хищения, и, соответственно, само изъятие имущества свое существование прекращают. Из этого следует, что хищение-изъятие оканчивается сразу после прекращения изъятия чужого имущества, то есть сразу после прекращения причинения имущественного ущерба.

Получение или неполучение виновным возможности пользоваться и распоряжаться похищенным всегда имеет место *вне рамок объекта хищения и уже после того, как хищение-изъятие перестает существовать*. Поэтому вопрос о том, следует ли учитывать получение или неполучение виновным данной возможности при установлении момента окончания хищения-изъятия, является неуместным: то, что имеет место вне рамок хищения и уже после того, как оно останется в прошлом, на решение вопроса о моменте его окончания влиять не может. Поэтому недостижение виновным своей корыстной цели или отложенное во времени ее достижение при квалификации хищения-изъятия как оконченного преступления вообще никак учитываться не должны.

Таким образом, хищение путем изъятия чужого имущества следует признавать оконченным преступлением сразу после причинения охватываемого умыслом имущественного ущерба, а не в момент получения виновным возможности пользоваться, распоряжаться похищенным.

Итоги анализа хищения, совершаемого путем изъятия имущества

В современной доктрине уголовного права принято полагать, что хищение всегда совершается с прямым умыслом и признается оконченным преступлением в момент получения виновным возможности пользоваться, распоряжаться похищенным. В полном соответствии с этой точкой зрения складывается и судебная практика.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что к хищению-изъятию данные доктринальные положения неприменимы, ибо хищения данного вида всегда совершаются не с прямым, а с косвенным умыслом и фактически являются оконченными сразу после причинения имущественного ущерба, а не в момент получения виновным возможности пользоваться, распоряжаться чужим имуществом.

Важная особенность хищений, совершаемых путем изъятия чужого имущества, заключается в том, что смысл слова «изъятие» предполагает только одно их последствие - причинение вреда в виде

¹ См. об этом: Векленко С.В., Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдайный В.В. Учение об объекте преступления: кризис переходного периода и возможность как объект любого преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (70). С. 9-13; Семченков И.П. Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 277-282; Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдайный В.В. Объект преступления: общественные отношения или возможность? // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 293-298.

имущественного ущерба и вытекающее из факта его причинения лишение владельца возможности пользоваться, распоряжаться имеющимся у него имуществом. Все остальные возможные результаты хищения-изъятия находятся за рамками процесса изъятия, вне его пределов, ввиду чего их наличие либо отсутствие, достижение или недостижение на решение вопроса о моменте окончания данного преступления влиять не могут. С учетом этого никаких проблем с квалификацией такого хищения по моменту его окончания не возникает: если имущественный ущерб, охватываемый умыслом виновного, причинен, то оно признается оконченным; если же нет, - квалифицируется как покушение.

Помимо этого, отмеченная особенность обеспечивает и беспроблемное установление умысла, с которым совершается данное преступление. Разновидность умысла определяется отношением лица к преступным последствиям. В этом хищении преступное последствие одно - имущественный ущерб, к причинению которого лицо относится безразлично либо допускает его, что сразу указывает на наличие косвенного умысла, а не прямого.

Еще одной важной особенностью данной разновидности хищения является тот факт, что ни оно само, ни его описание в уголовном законе не содержат ни одной предпосылки, которая давала бы повод для того, чтобы это преступление могло быть признано совершающимся с прямым умыслом и оканчивающимся в момент получения виновным возможности пользоваться, распоряжаться похищенным.

Благодаря перечисленным выше особенностям хищение-изъятие весьма существенно отличается от хищения, совершаемого путем обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

Последствия, вид умысла и момент окончания хищения-завладения

Второй альтернативной разновидностью хищения является обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб владельцу этого имущества. По сути, это не что иное, как завладение чужим имуществом.

Из смысла терминов «обращение чужого имущества в пользу виновного», «завладение чужим имуществом» следует, что хищение-завладение, в отличие от хищения-изъятия, влечет не одно, а два последствия: имущественный ущерб законному владельцу и факт завладения имуществом похитителем. Данная двойственность общего итога хищения-завладения ставит исследователя в непростое положение. Закономерно возникает вопрос о том, допустимо ли причисление к преступным, то есть вредным, негативным последствиям хищения не только причиненного ущерба, но и полученной виновным материальной выгоды.

С точки зрения ценностного подхода представлять полученную виновным выгоду в качестве преступного последствия невозможно, и ни о какой двойственности преступного (вредного) результата здесь и речи быть не может. Объединить в одно целое две вещи действительности, которые являются нравственным антиподом друг друга,

нельзя. Поэтому, не отрицая того, что общий итог такого хищения оказывается двояким, как его преступный результат, который является таковым по своей сути, следует рассматривать только имущественный ущерб, а получение выгоды преступным последствием признавать неверно, что достаточно обстоятельно уже было показано в первой части нашей статьи.

Соответственно этому хищение данной разновидности, также как и хищение-изъятие, с точки зрения здравого смысла следует признавать совершающимся с косвенным умыслом и квалифицировать как оконченное преступление сразу после причинения имущественного ущерба, а не в момент получения виновным возможности пользоваться, распоряжаться уже похищенным имуществом.

Однако доктрина уголовного права ценностный подход к оценке итогов хищения-завладения не применяет, ввиду чего не только фактически рассматривает получение выгоды как преступный результат, но и использует это «последствие» в качестве основы для решения вопроса о разновидности умысла, с которым совершается такое хищение, - это прямой умысел, при котором лицо желает завладеть чужим имуществом. На моменте достижения этого же «последствия» построена квалификация содеянного как оконченного преступления: хищение признается оконченным, когда имущество изъято и виновный получил возможность пользоваться, распоряжаться похищенным.

Что же обусловило такое неверное решение?

По нашему мнению, помимо неприменения ценностного этического подхода, данное решение обусловлено неудачным употреблением для описания этого вида хищения термина «обращение чужого имущества», который имеет двойственное содержание. С одной стороны, обращение чужого имущества представляет собой деяние. С другой - обращение имущества является результатом, то есть последствием. Из этого следует, что данное деяние-завладение без наступления последствия в виде завладения имуществом оконченным преступлением признаваться не может. Говорить о том, что завладение имуществом совершено, если виновный имуществом еще не завладел, невозможно.

Если же сделать акцент на том, что преступным последствием такого хищения является только ущерб, то данное преступление необходимо будет квалифицировать как оконченное сразу после причинения ущерба и независимо от того, завладел виновный имуществом или нет. Это создает проблему квалификации содеянного в ситуации, когда ущерб уже причинен, а виновный имуществом еще не завладел. Такую ситуацию необходимо будет квалифицировать как оконченное преступление, но это решение вступит в противоречие с тем, что деяние-завладение без последствия-завладения оконченным преступлением признаваться не может.

Если «не трогать» термин «обращение чужого имущества», то избежать описанного противоречия можно только одним способом - путем фактического причисления к преступным последствиям данного вида хищения не только имущественного ущерба, но и получения виновным возможности

пользоваться, распоряжаться похищенным. Так оно и произошло, благодаря чему в случае, когда виновный имуществом еще не завладел, деяние-завладение стало возможным квалифицировать как покушение, причем даже в том случае, когда ущерб уже причинен. В общем, все получилось именно так, как это и предполагается, исходя из двойственного содержания термина «обращение имущества в пользу виновного».

Неудачное употребление для описания хищения термина «обращение чужого имущества» имеет исторические предпосылки. Это неверная манера мышления, которая выражается в использовании для описания хищений таких слов, как обращение, завладение, и других, для которых характерна двойственность содержания, а обозначаемое ими может рассматриваться и в качестве деяния, и в качестве результата. Она сложилась еще в дореволюционный период и по причине того, что основоположники данной манеры не использовали для исследования сути хищения ценностный подход, ввиду чего не понимали, к каким вредным для уголовного права последствиям может привести их неточная по смыслу стилистика. Так, например, Н.Д. Сергиевский (1887 г.), характеризуя момент окончания хищения, связывал его с завладением похищенным имуществом¹. Аналогичным образом поступали и многие другие представители дореволюционной школы отечественного уголовного права.

На законодательном уровне эта манера проявилась в ст. 147 УК РСФСР 1960 года, которая определяла одну из разновидностей мошенничества как *завладение личным имуществом граждан путем обмана или злоупотребления доверием*. Принимая во внимание данное обстоятельство, Н.В. Лясс прямо указывала на то, что преступным последствием данного мошенничества является факт завладения имуществом, то есть получение выгоды, и связывала момент окончания данного преступления с наступлением именно этого преступного, по ее мнению, результата: «При таком описании ... мошенничество является оконченным с момента наступления преступного результата - завладения чужим имуществом»². Нетрудно заметить, что непосредственной причиной такого понимания преступного последствия и момента окончания данного преступления является двойственность содержания термина «завладение имуществом»: деяние-завладение не может быть признано оконченным, если лицо фактически еще не завладело похищенным.

Вместе с тем неудачное употребление терминов «обращение чужого имущества», «завладение имуществом» предопределяет неверную трактовку только хищения-завладения и к пониманию хищения-изъятия никакого отношения не имеет. Так

почему же хищение-изъятие стало признаваться совершающим с прямым умыслом и квалифицироваться как оконченное преступление в момент получения выгоды, а не в момент причинения ущерба? Неужели только лишь потому, что к пониманию его сущности не был применен ценностный подход? Конечно, нет. Неприменение ценностного подхода само по себе к неправильной трактовке хищения-изъятия привести не может и не объясняет, почему к последствиям данного преступления фактически стали причислять полученную виновным выгоду, а затем, исходя из этого, неверно считать его совершающим с прямым умыслом и квалифицировать как оконченное в момент завладения чужим имуществом, а не в момент причинения имущественного ущерба.

Особые обстоятельства, обусловившие неверное решение вопроса о сути последствий хищения, разновидности умысла, с которым оно совершается, и момента его окончания

Обстоятельство первое, комплексного характера.

Если признать, что имущественный ущерб является единственным преступным результатом хищения, то это повлечет за собой отнесение хищения к числу преступлений, которые совершаются с косвенным умыслом, - к причинению ущерба лицо относится как к побочному, косвенному результату своего деяния. Из этого следует, что и приготовление к хищению, и покушение на него также необходимо признавать совершаемыми с косвенным умыслом, а это будет вступать в противоречие с получившей общепризнанность в 50-60-е годы прошлого столетия точкой зрения, согласно которой приготовление и покушение возможны только с прямым умыслом и невозможны с косвенным³. Именно эта точка зрения была положена в основу тезиса о том, что покушение на убийство возможно только с прямым умыслом. Это тезис, начиная с 1963 года, стал воспроизводиться в каждом последующем постановлении Пленума Верховного Суда по делам об убийстве⁴.

Устранить данное противоречие можно двумя способами: либо опровергнуть тезис о том, что приготовление и покушение возможны только с прямым умыслом, либо избрать такую трактовку хищения, которая с указанным тезисом в противоречие вступать не будет. Как показывает история, из этих двух вариантов был выбран второй, согласно которому не только хищение-завладение, но и хищение-изъятие стало признаваться совершающим с прямым умыслом. Однако для этого необходимо было фактически причислить к преступным последствиям получение виновным возможности пользоваться, распоряжаться похищенным, ведь только к этому, так сказать, «последствию» лицо относится как к желаемому результату. Соответственно

¹ Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Особенная. Калуга, 2008. С. 158-159.

² Курс советского уголовного права (Часть Общая). Т.1. // Отв. ред. Н.А. Беляев и М.Д. Шаргородский. Ленинград, 1968. С. 557.

³ См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 125; Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 135; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 516-517; и др.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.07.1963 № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве».

этому был решен вопрос и о моменте окончания хищения: оно стало признаваться оконченным в момент наступления «последствия» в виде получения виновным материальной выгоды.

Характеризуя данную ситуацию, А.И. Бойцов отмечает следующее: «Констатация же того, что хищением присущи только прямой умысел и корыстная цель, является предпосылкой для ответственности за предварительную преступную деятельность в случаях недоведения хищения до конца по независящим от похитителя обстоятельствам, поскольку согласно ст. 30 УК приготовлением к преступлению и покушением на преступление признаются только умышленные действия, а в теории и практике применения уголовного закона считается, что не просто умышленные, а совершаемые с прямым умыслом» [6, с. 282]. Эти строки мог написать только тот, кто знает, что хищение, приготовление к нему и покушение на него фактически совершаются при наличии косвенного умысла, и что это вступает в противоречие с общепризнанным тезисом, согласно которому приготовление и покушение возможны лишь с прямым умыслом. Если бы это было не так, то никакого смысла в данном высказывании не было бы.

Абсолютно точно сказать, каким образом рассматриваемое противоречие повлияло на употребление в уголовном законе термина «обращение чужого имущества», мы возможности не имеем. Может быть, именно оно предопределило выбор данного термина, имеющего двойственность содержания. Но может быть, и нет. Нельзя отрицать того, что данный термин мог быть выбран по другим причинам, а потом оказалось, что его употребление позволяет удачно избежать проблемы, обусловленной наличием рассматриваемого нами противоречия.

Однако в отношении хищения-изъятия ситуация представляется совершенно иной. Ни в самом хищении-изъятии, ни в его описании никаких предпосылок для признания его совершаемым с прямым умыслом не было и быть не может, а это указывает на то, что отнесение хищения данного вида к числу преступлений, которые совершаются с прямым умыслом, имеет абсолютно искусственный характер, и сделано это для того, чтобы избежать упомянутого противоречия.

Обстоятельство *второе*, также комплексное, имеет такое же значение, ввиду чего на том, как оно повлияло на неправильное решение рассматриваемых вопросов, мы подробно останавливаться уже теперь не будем.

Подавляющее большинство хищений совершается с предвидением неизбежности наступления преступных последствий. Если признать, что данное предвидение неизбежности имеет место в рамках именно косвенного умысла, то это вступит в противоречие с тем, что ч. 3 ст. 25 УК РФ, закрепляющая понятие косвенного умысла, исключает возможность его наличия в ситуации, когда лицо предвидит неизбежность причинения преступного вреда. В предыдущем уголовном законе такого законодательного препятствия не было, но так было принято полагать в теории уголовного права, что и привело к закреплению данного понимания

косвенного умысла в действующем Уголовном кодексе.

Способов избежать данной проблемы всего два: либо опровергнуть ч. 3 ст. 25 УК РФ и лежащий в ее основании тезис, либо трансформировать трактовку хищения под этот тезис таким образом, чтобы это позволило избежать необходимости его опровержения. Среди исследователей преступлений против собственности желающих опровергнуть тезис о том, что в косвенном умысле лицо предвидит только возможность наступления последствий, не нашлось. Признать, что хищение совершается с прямым умыслом, при котором лицо может предвидеть и возможность, и неизбежность причинения вреда, оказалось проще.

Устранение проблем, препятствующих реализации позитивных результатов исследования

Реализации правильного понимания сути последствий, вида умысла и момента окончания хищения препятствуют всего три проблемы.

Первая такого рода проблема заключается в том, что хищения совершаются с косвенным умыслом и в подавляющем большинстве случаев с предвидением неизбежности причинения ущерба, а ч. 3 ст. 25 УК РФ не допускает того, что преступление с косвенным умыслом может быть совершено с предвидением неизбежности. Такие преступления для уголовного закона попросту не существуют. В связи с этим необходимо отметить, что проблема несовершенства ч. 3 ст. 25 УК РФ нам хорошо известна и детально уже рассмотрена в нашей статье «Интеллектуальный момент косвенного умысла», где обоснован вывод о том, что при косвенном умысле лицо может предвидеть не только возможность, но и неизбежность наступления преступных последствий, а также сформулированы соответствующие предложения по совершенствованию законодательной характеристики косвенного умысла [7].

Аналогичным образом обстоит дело и со *второй проблемой*, заключающейся в противоречии между тем, что приготовление и покушение возможны при наличии только прямого умысла, и тем, что приготовление к хищению и покушение на него фактически совершаются с умыслом косвенным. Эта проблема также решена - в статье «Приготовление к преступлению и покушение на преступление с косвенным умыслом возможны», где показана ошибочность тезиса о невозможности покушения с косвенным умыслом [8].

Однако решить обе сформулированные выше проблемы можно и другим способом, а именно: посредством применения универсального общенаучного метода восхождения познания от конкретного к абстрактному и далее - от полученной абстракции к новому конкретному.

«Фактически данный метод познания объединяет в себе два методологических приема (способы). Суть первого из них, а именно восхождения от конкретного к абстрактному, заключается в том, что при изучении отдельных явлений мы отвлекаемся от единичного, случайного, несущественного и выделяем общее, необходимое, существенное,

которое и представляет собой определенного вида абстрактное знание. Второй способ состоит в следовании от абстрактного к конкретному, где ранее полученная абстракция служит основой понимания сущности нового конкретного, выступающего в качестве предмета исследования. Применяется второй способ, как правило, с целью экономии сил и средств, а также времени в тех случаях, когда уже имеются какие-либо результаты в исследовании аналогичных явлений, и нет нужды, что называется, «изобретать колесо заново» [9, с. 9-10].

Из этого следует, что, какой бы из двух вышеуказанных способов ни применялся исследователем, конечный результат всегда должен быть основан на первом методе - на восхождении познания от конкретного к абстрактному, поскольку абстрактное, используемое во втором случае, все равно есть продукт, результат первого способа.

«Методологический потенциал данного метода исследования позволяет не только получать новые научно обоснованные абстрактные знания, облегчающие процесс познания действительности, но также проводить проверку истинности уже существующих научных понятий, о методологии получения которых ничего не известно. Для проверки обоснованности такого рода научных понятий достаточно взять конкретный факт действительности, для объяснения которого служит определенное понятие, и проверить, соответствует ли оно данному факту или же нет. Если соответствует, значит, оно является верным. Если не соответствует, - является ложным, методологически несостоительным, оторванным от действительности и не имеющим права на существование» [10, с. 41-42].

Приведенные в настоящей работе конкретные обстоятельства, указывающие на то, что хищение совершается с косвенным умыслом и в большинстве случаев с предвидением неизбежности преступных последствий, с точки зрения метода восхождения познания следует причислить к «конкретному». Ему противостоит «абстрактное» в виде законодательно закрепленного тезиса о том, что ни в одном преступлении, совершающем с косвенным умыслом, лицо предвидеть неизбежность последствий не может (ч. 3 ст. 25 УК РФ). Владеющий данным методом исследователь, столкнувшись с противоречием между «конкретным» и «абстрактным», поставит под сомнение «абстрактное», а исследователи преступлений против собственности поступили наоборот, то есть усомнились в реалиях действительности и изменили свое понимание «конкретного» таким образом, чтобы оно не вступало в противоречие с ошибочным «абстрактным».

Аналогичным образом в качестве «конкретного» следует рассматривать и факты, указывающие на то, что приготовление к хищению и покушение на него совершаются с косвенным умыслом. «Абстрактным», которое вступает в противоречие с этим «конкретным», является тезис о том, что любые приготовление и покушение возможны только с прямым умыслом. С точки зрения метода восхождения познания противоречие между ними указывает на несостоительность «абстрактного», но не

«конкретного», с которым оно вступает в противоречие.

Третья проблема - это неверная трактовка хищения, проистекающая из неудачного употребления для его описания такого термина, как «обращение чужого имущества». Данный термин необходимо заменить на другой либо вовсе исключить из понятия хищения, сформулировав это понятие таким образом, чтобы необходимости в его употреблении не было.

Поиски замены этому термину показали, что найти подходящее для искомого беспроблемного термина ключевое слово достаточно сложно. В нашем языке имеется весьма ограниченный набор подходящих для этого семантических вариантов. Мы остановили свой выбор на слове «выведение», которое само по себе имеет довольно широкое значение, но в определенном контексте может быть использовано и для описания хищения данного вида. С его помощью представляется возможным сформулировать, например, такой термин, как «выведение чужого имущества из сферы обладания владельца этого имущества, причинившее ему имущественный ущерб».

Если же кому-либо выбранное нами слово придется не по вкусу, не по душе, пожалуйста, никто не запрещает использования других слов, однако, что представляется очень важным, таких, которые двойственностью содержания не обладают, то есть не могут обозначать и деяние, и преступный результат одновременно. В противном случае все останется по-прежнему проблемным и неправильным.

Но можно поступить и иначе, то есть отойти от узкой трактовки «изъятия чужого имущества» как перемещения в пространстве овеществленных предметов хищения и начать вести речь о широком его юридическом понимании как «изъятия чужого имущества из сферы обладания владельца, которое причиняет ему имущественный ущерб». Почему бы и нет? По этому вопросу мы полностью согласны с точкой зрения А.И. Бойцова, по мнению которого «изъятием можно считать не только физическое извлечение и удаление имущества из обладания какого-либо лица» [6, с. 228].

В пользу этого второго варианта свидетельствует тот факт, что необходимое расширение юридического понимания слова «изъятие» уже состоялось, подтверждением чему являются примеры его употребления в сфере юриспруденции. Так, в частности, об изъятии земельных участков говорится в ст.ст. 49, 56.3, 56.4, 56.6, 56.9, 56.10, 56.11, 56.12 Земельного кодекса Российской Федерации. Об изъятии земельных участков, изъятии недвижимости идет речь в многочисленных постановлениях и законах субъектов Российской Федерации. Понятно, что под изъятием в данных нормах подразумевается не физическое перемещение предметов хищения, а их юридическое изъятие из сферы обладания владельца.

Даже Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении по делам о мошенничестве, присвоении и растрате использовал термин «изъятие безналичных, в том числе и электронных денежных средств с банковского счета владельца»¹.

¹ См.: п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Совершенно очевидно, что данные денежные средства к числу овеществленных предметов хищения не относятся, и само такое изъятие представляет собой не физическое их перемещение, а изменение информации о том, кто имеет право требования этих средств от банка.

Никаких проблем с применением данного термина не должно возникать и при его использовании для характеристики присвоения и растраты чужого имущества, вверенного виновному. Антисоциальная сущность этих форм хищения как раз и заключается в изъятии имущества из сферы обладания его владельца.

Закрепление в законодательстве любого из предложенных нами вариантов изменения понятия хищения позволит абсолютно правильно решать вопросы и о преступных последствиях, и о виде умысла, и о моменте окончания хищения: последствие - имущественный ущерб и сопряженное с ним лишение возможности владельца пользоваться, распоряжаться имуществом; умысел - косвенный; момент окончания - момент причинения ущерба в разmere, который охватывался умыслом виновного.

Общие итоги исследования

Доктринальные положения:

1. Результаты проведенного нами исследования позволяют признать ошибочной господствующую в настоящее время точку зрения, согласно которой материальная выгода фактически причислена к преступному результату хищения, а само хищение признается совершааемым с прямым умыслом и квалифицируется как оконченное преступление в момент получения виновным возможности пользоваться, распоряжаться похищенным.

Данная точка зрения сложилась под влиянием уникального в своем роде стечения довольно большого числа неблагоприятных обстоятельств, основными из которых являются:

- неприменение для исследования антисоциальной сущности хищений ценностного подхода;

- исторически сложившаяся вредная для уголовного права манера описания хищений с использованием терминов «обращение чужого имущества», «завладение чужим имуществом», которые имеют двойственное содержание, предполагающее рассмотрение обозначенного ими и в качестве деяния, и в качестве преступного результата одновременно;

- использование этих неправильных терминов для описания хищений в уголовном законе;

- непонимание того, что употребление этих терминов влечет неправильное решение вопросов о преступных последствиях хищения, разновидности умысла, с которым оно совершается, и моменте его окончания;

- неверная оценка корысти и материальной выгоды с точки зрения советской социалистической идеологии;

- неверное понимание корыстной цели хищения и ошибочное ее принятие за показатель того, что хищение совершается с прямым умыслом;

- наличие противоречий между правильным пониманием сути хищения и ошибочными доктринальными, в том числе законодательно закрепленными, положениями уголовного права, исключающими предвидение неизбежности последствий в косвенном умысле, а также допускающими возможность приготовления к преступлению и покушения на преступление при наличии только прямого умысла;

- неприменение для анализа данных противоречий метода восхождения познания, неверная оценка методологической обоснованности их составляющих и избрание методологически неверного подхода к их устранению.

2. Антисоциальная сущность хищения заключается в том, что оно представляет собой деяние, причиняющее имущественный ущерб владельцу имущества. Полученная похитителем возможность пользоваться, распоряжаться похищенным, то есть матери-

VEKLENKO S.V.,

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SEMCHENKOV I.P.,

PhD in Juridical Sciences, Docent of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

SOROKIN I.S.,

PhD in Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

EMBEZZLEMENT:

CRIMINAL CONSEQUENCE, TYPE OF INTENT AND MOMENT OF TERMINATION

Embezzlement, theft, damage, benefit, self-interest, direct intent, indirect intent, foresight of inevitability, moment of the end of embezzlement, taking possession of property, morality, ethics.

The article presents the results of a scientific analysis of the generally accepted theses that embezzlement is committed with direct intent and is recognized as a completed crime at the time of taking possession of someone else's property. The conclusion is substantiated that in fact the embezzlement is committed with indirect intent and ends at the time of the fait accompli of causing property damage covered by the intent of the perpetrator. It is shown that the main reasons for the erroneous solution of these issues are: misunderstanding of the antisocial essence of embezzlement, its consequences; contradictions between the correct understanding of these issues and the erroneous theses of the doctrine of criminal law; incorrect description of embezzlement in criminal law. Based on the results obtained by the authors, it is proposed to amend the doctrine of criminal law and the Criminal Code of the Russian Federation.

альная выгода, преступным последствием хищения не является.

3. Хищение совершается с косвенным умыслом, который также имеет место и в случае приготовления к этому преступлению, и при покушении на его совершение. Единственным исключением из этого правила представляется ситуация, в которой у виновного имеется специальная дополнительная цель причинения имущественного ущерба, превращающая этот ущерб в желаемый для лица результат. Например, это цель отомстить посредством хищения. Только при этом условии хищение можно признать совершенным с прямым умыслом.

Аргументированное несогласие с общепринятоей точкой зрения о том, что хищение всегда совершается только с прямым умыслом, демонстрируют В.В. Векленко [11, с. 170-173] и Л.В. Красуцких [12, с. 17], по мнению которых в некоторых случаях совершения хищений в отношении имущественного ущерба имеет место не прямой умысел, а косвенный.

4. Хищение следует признавать оконченным преступлением сразу после причинения имущественного ущерба, охватываемого умыслом виновного. Получение или неполучение похитителем возможности пользоваться, распоряжаться уже похищенным имуществом в решении данного вопроса учитываться не должно. Данный вывод подтверждает правильность точки зрения таких авторов, как, например, С.И. Сирота, С.М. Кочои, В.И. Плохова, А.П. Козлов и О.В. Ермакова¹, которые также полагают, что момент квалификации хищения как оконченного преступления должен определяться моментом причинения имущественного ущерба.

Предложения по изменению уголовного законодательства:

1. В законодательном понятии хищения вместо слов «обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» предлагается использовать слова «выведение чужого имущества из сферы обладания владельца этого имущества, причинившее ему имущественный ущерб».

Альтернативный вариант данного предложения предполагает не замену, а полное исключение из понятия хищения такой его разновидности, как

хищение-обращение (хищение-затруднение). В этом случае необходимо будет вести речь о том, что любое хищение представляет собой «изъятие чужого имущества из сферы обладания владельца этого имущества, причинившее ему имущественный ущерб».

2. Во избежание дальнейшего ошибочного понимания корыстной цели хищения упоминание данной цели из понятия хищения следует исключить, а вместо этого необходимо указать, что хищение совершается из корыстных побуждений или, что то же самое, с корыстным мотивом.

3. Реализация обоих сформулированных выше предложений должны сопровождаться внесением в уголовное законодательство предложений, представленных нами ранее в статье «Интеллектуальный момент косвенного умысла»². В противном случае, то есть сами по себе, данные изменения достижения искомого результата обеспечить не смогут.

Практическая значимость переосмыслиения общепринятых доктринальных положений, характеризующих хищение

Практическое значение полученных нами результатов определяется тем, что они должны изменить правило квалификации хищений по моменту окончания в тех ситуациях, когда последствия в виде имущественного ущерба уже наступили, но виновный возможности пользоваться, распоряжаться похищенным еще не получил. В настоящее время такого рода случаи квалифицируются как покушения на совершение хищений, а должны быть квалифицированы как оконченные преступления.

Осуществление (или неосуществление) завладения виновным похищенным имуществом в дальнейшем в решении вопроса о моменте окончания хищения вообще никак учитываться не должно. Благодаря этому станет возможным поставить точку в непрекращающейся дискуссии о том, в какой же именно момент лицо считается получившим возможность оперировать похищенным по своему усмотрению. Исчезнут и многочисленные проблемы, возникающие по этому поводу в правоприменительной деятельности. ■

Библиографический список:

1. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1977.
2. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступного деяния. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001. 208 с.
3. Семченков И.П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 192 с.

¹ Сирота С.И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, 1968. С. 66; Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 6 (175). С. 112; Плохова В.И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 8-9, 16-18; Козлов А.П. Понятие преступления. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. С. 293-295; Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 8.

² Векленко С.В., Семченков И.П., Сорокин И.С. Интеллектуальный момент косвенного умысла // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 9-15.

4. Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Объект преступления: общественные отношения или возможность? // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 293-298.
5. Семченков И.П. Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 277-282.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
7. Векленко С.В., Семченков И.П., Сорокин И.С. Интеллектуальный момент косвенного умысла // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (71). С. 9-15.
8. Векленко С.В., Семченков И.П., Сорокин И.С. Приготовление к преступлению и покушение на преступление с косвенным умыслом возможны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 9-15.
9. Векленко С.В., Семченков И.П., Критический анализ понятия субъективной стороны преступления как элемента состава преступного деяния // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (69). С. 9-11.
10. Семченков И.П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоительно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41-44.
11. Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск: Омская академия МВД России, 2001. 256 с.
12. Красуцких Л.В. Каратальная практика по уголовным делам о хищениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 20 с.